

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. Н. Мамин-Сибиряк

**АЛЕНУШКИНЫ
СКАЗКИ**

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Аленушкины сказки (сборник)

Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7589116

Аленушкины сказки: Издательство «Детская литература»; М.; 2014

ISBN 978-5-08-005208-8

Аннотация

В книгу замечательного русского писателя входят известные, полюбившиеся читателям рассказы и сказки: «Емеля-охотник», «Зимовье на Студеной», «Приемыш» и другие, а также цикл «Аленушкины сказки».

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Помочь нуждающемуся – назначение человека!	7
Рассказы	24
Емеля-охотник	25
ЗИМОВЬЕ НА СТУДЕНОЙ	39
Постойко	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Аленушкины сказки

© Полозова Т. Д., предисловие, 2001

© Черноглазов В. Ю., иллюстрации, 2001

© Оформление серии, составление. Издательство «Детская литература», 2001

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Помочь нуждающемуся – назначение человека!

«Детская книга – это весенний солнечный луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызывает рост брошенных на эту благодатную почву семян», – пишет Д. Н. Мамин-Сибиряк (1852–1912) в книге очерков «Из далекого прошлого».

Коренной уралец по рождению, он любил свой край с детства до последних дней жизни. Знал, чувствовал, ощущал близость к загадочной и суровой природе Урала, ценил твердость характера, выносливость земляков, гордился душевной привязанностью к ним. В его письме к брату-студенту читаем: «В каждом деле важна прежде всего точка опоры, известная почва под ногами... Родина – наша вторая мать, а такая родина, как наш Урал, тем паче. Припомни «братца Антея» и русских богатырей, которые, падая на сырую землю, получали удесятеренную силу. Это глубоко верная мысль. Время людей-космополитов и всечеловеков миновало, нужно быть просто человеком, который не забывает своей семьи, любит свою родину и работает для своего отечества». Эту же мысль утверждает писатель и в письме маме: «Будем жить так, как велит нам наша совесть, наш долг, наша любовь к людям и самое горячее сочувствие к человече-

ским страданиям...»

Родился Дмитрий Мамин в Висимо-Шалтанском заводском поселке, в сорока километрах от Нижнего Тагила (в то время эта территория входила в состав Верхотурского уезда Пермской губернии), в семье священника заводской церкви. Семья была культурная. Книга была в ней не прихотью и не забавой, а предметом первой необходимости. Имена Карамзина и Крылова, Аксакова, Пушкина и Гоголя, Кольцова и Некрасова, Тургенева и Гончарова были здесь близкими и дорогими и детям, и взрослым. А еще все любили природу Урала. Она вливалась в душу с детства и в течение всей жизни согревала, вдохновляла, помогала не растерять привязанность к родному краю, к Отечеству.

«Милые далекие горы, – вспоминает Дмитрий Наркисович уже в конце жизненного пути. – Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные зеленые горы, мне начинает казаться, что и небо там выше и яснее, и люди такие добрые, и сам я делаюсь лучше. Да, я опять хожу по этим горам, поднимаюсь на каменные кручи, спускаюсь в глубокие лога, подолгу сижу около горных ключиков, дышу чудным горным воздухом, напоенным ароматами горных трав и цветов, и без конца слушаю, что шепчет лес».

В своих рассказах, сказках, очерках Д. Мамин-Сибиряк рисует жизнь ребенка из бедной семьи, ребенка-сироты: «Кормилец» (1885), «В ученье» (1892), «Вертел» (1897), «В глуши» (1896), «Богач и Еремка» (1904), «Зимовье на Сту-

денной» (1892), «Емеля-охотник» (1884) и другие.

В первом из названных рассказов двенадцатилетний мальчик, единственный кормилец семьи, гибнет, став жертвой тяжелых условий фабрично-заводского труда. Подлинная драма детской жизни раскрывается в рассказе «В ученье». Деревенский мальчик Сережа, оставшийся сиротой, попадает в город, в сапожную мастерскую, к чужим жестоким людям. Убийственное впечатление производит мастерская, помещенная в подвале: сыро, холодно. Первая мысль Сережи – убежать в деревню. «Маленькое детское сердце сжалось от страшной тоски по родине. Сережа мысленно видел свою деревенскую церковь, маленькую речку за огородом, бесконечные поля, своих деревенских товарищей».

Трагична участь Прошки в рассказе «Вертел». Этот худенький, «похожий на галчонка» мальчик работает круглый год в шлифовальной мастерской, тесной и темной. Он – маленький каторжник. Здесь в воздухе носится наждачная пыль. Сюда не попадает солнце. Заветная мечта Прошки – уйти туда, где «трава зеленая-зеленая, сосны шумят вершинами, из земли сочатся ключики, всякая птица поет по-своему». Он ощущает природу, но не знает человеческого тепла. Воображение мальчика рисует желанные, близкие его душе картины. Прошка подобен механизму. Он как будто неотделим от колеса, стал его элементом. Сначала мальчик возненавидел колесо, которое вынужден вертеть целый день, потом стал ненавистным хозяин, Алексей Иванович, ведь это

он придумал страшное колесо. «Когда вырасту большой, – раздумывал Прошка за работой, – тогда отколочу Алексей Ивановича, изрублю топором проклятое колесо и убегу в лес».

Прошка напоминал паука, который непрерывно работает в своем углу, где расположено точильное колесо. Рабочие более старшего возраста хотя бы в разговоре между собой пытаются отвести душу, ругают хозяина, понимая, что он плут: «И плут же он, Алексей-то Иванович! Мы-то чахнем на его работе, а он плутует. Целый день только и делает, что ходит по городу да обманывает, кто попроще».

Прошка не имел силы участвовать даже в этих беседах. Он постоянно был голоден, «жил от еды до еды, как маленький голодный зверек. По ночам он видел во сне целые груды граненых драгоценных камней... Хуже всего было, когда эти камни радужным дождем сыпались на него и начинали давить маленькую больную грудь, а в голове начинало что-то тяжелое кружиться, точно там вертелось такое же деревянное колесо, у которого Прошка прожил всю свою маленькую жизнь.

Потом Прошка слег... Через две недели его не стало».

Наблюдая угасание Прошки, мы видим еще иную жизнь, жизнь мальчика из богатой семьи. Барыня Анна Ивановна привела своего сына Володю в мастерскую, где она покупала драгоценности, чтобы пробудить у него интерес к делу. Нет, разумеется, не к работе в мастерской. К любому «до-

стойному для Володи» занятию. К чтению, например, к учению. Анна Ивановна из числа так называемых «добрых барынь». Она и Прошке готова помочь: пусть, мол, ходит в воскресенье учиться... Барыня не жалеет для Прошки котлетку, когда тот приходит по ее просьбе развлечь Володю. Мальчик-вертел чувствовал себя смущенным, как попавшийся в ловушку зверек. Молча разглядывал он комнату и удивлялся: бывают же такие большие и светлые комнаты... Перед нами – две контрастные детские судьбы. Счастливая подчеркивает предопределенность другой – страшной.

«Неужели это все твои игрушки?» – спрашивает Прошка Володю.

«Мои, но я уже не играю, потому что большой... А у тебя есть игрушки?»

Прошка засмеялся... «У него – игрушки!.. Какой смешной этот барчонок, решительно ничего не понимает!» – думает мальчик-вертел. Впечатляет и выразительная картина превращения Володей своей комнаты в подобие мастерской: «...Он несколько дней старался устроить в своей детской гранильную мастерскую и натащил со двора всевозможных камней. Получилась почти совсем настоящая мастерская, только недоставало деревянного громадного колеса, которое вертел Прошка...» Да, «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Вот разоблачение лживой игры в равенство. Игры, которая развлекает лишь мальчика-барчонка и унижает, ранит Прошку – для него полуголодная жизнь среди камней

в сырой, грязной мастерской неизбежна. Лжив и последний диалог барыни с Прошкой.

«– Ты что же это, забыл нас совсем? – спрашивала она.

– Так...

– Так, может быть, не хочется учиться?

– Нет...

– Какое ему ученье, когда он на ладан дышит! – заметил Ермилыч.

– Разве можно такие вещи говорить при больном! – возмутилась Анна Ивановна...»

Говорить, пожалуй, не стоит «такие вещи», но стоило (!), очевидно, заметить «чахоточный румянец» на бледных щеках ребенка. Нельзя было не видеть его горящие лихорадочным огнем глаза. Нельзя было не видеть, что мальчик бессилен, почти мертв...

Украденное детство и у Пимки.

Спокойно, информационно начинается повествование о жизни людей в деревне Шалайка. Но заметим сразу: деревня эта «засела в страшной лесной глуши». «Засела» – застряла, с места не может сдвинуться, как бы отгорожена от всего другого, от всей жизни, что протекает вне Шалайки. Шалаевцы любили свою деревню, как можно любить то единственное, что у тебя есть. Жил в этой деревне и мальчик Пимка. Шел ему уже десятый (!) год. По-шалаевски это значит – пришла пора думать и готовить себя к мужицкой работе. Так было здесь всегда. На десятом году жизни надо быть готовым

ехать в лес, в курень. Там проводят морозную зиму шалаевские мужики. Они выжигают уголь для себя и для продажи. Снова обреченность, как и в судьбе Прошки. Та же безысходность, выработавшаяся временем. Вслушаемся в слова, в интонацию обращения к Пимке его отца:

«Ну, Пимка, собирайся в курень... Пора, брат, и тебе мужиком быть».

Пимка, конечно, боялся той жизни в курене, в лесу, далеко от дома, студеной зимой... Но так надо было. «Так было и будет...»

«Мать еще с лета заготовила будущему мужику всю необходимую одежду: коротенький полушубок из домашней овчины, собачьего меха «ягу», «пимы», собачьи «шубенки», такой же треух-шапку – все, как следует настоящему мужику». Мать, конечно, жалела Пимку. Но она знала одно – так надо, так было всегда... Пимка сначала испытывал и чувство радости: какой же мальчишка не порадуется, если он едет как взрослый, со взрослыми на равных.

Увы! В первую же ночь в курене мальчик понял, как все нерадостно: «Работа была тяжелая у всех, и ее выносили только привычные люди. Дроворубы возвращались в балаган, как пьяные, – до того они выматывали себе руки и спину. Углевозы маялись дорогой, особенно в морозы, когда холодом жгло лицо. А всего хуже было жить в курных, всегда темных балаганах, да и еда была самая плохая: черный хлеб да что-нибудь горячее в придачу, большею частью – каша.

Где же мужикам стряпню разводить!»

...Д. Н. Мамин-Сибиряк был обеспокоен необразованностью, непросвещенностью народа. Он и сам работал учителем. И отца своего уважал за его «образ жизни»... «Папа так любил всех бедных, несчастных и обделенных судьбой; папа так хорошо, таким чистым сердцем любил науку и людей науки; папа так понимал человеческую душу даже в ее заблуждениях; наконец, папа так был чист душой и совершенно чужд стяжательских интересов и привычек к ненужной роскоши...» – рассказывает писатель в очерках «О себе самом».

В 1894 году Мамин-Сибиряк выпустил сборник рассказов «Детские тени» – о бедственном положении детей. Бледные, худенькие, жалкие на вид, они напоминают цветы, выросшие в подвале без солнца. Природа в этих рассказах – живой и жизнотворный персонаж. Природа Урала подчеркивает крайнюю безысходность людей и одновременно пробуждает особенную нежность и теплоту к ним.

Вот рассказ «Емеля-охотник». Емеля живет в деревне среди непроходимых лесов. В деревне нет даже улицы! Ее заменяет тропа, которая вьется между избами. Да улица и не нужна: ни у кого из здешних жителей нет телеги. «Избушка Емели совсем выросла в землю» и глядит на свет всего одним оконцем. Крыша на избушке прогнила. От трубы остались только обвалившиеся кирпичи. И деда Елеску лишь крайняя нужда заставляет пойти в сторожа на зимовье, «от которого

верст на сто жилья нет» (рассказ «Зимовье на Студеной»). Дед привычно терпит холод, голод. Он не получает обещанной помощи от богатых купцов: привык к их обману. В прошлом у Елески была семья, но вымерла в холерный год вместе с половиной деревни. Трагическая гибель Елески неминоваема.

Герои этих рассказов, и Прошка-вертел, и Пимка-угольщик, безусловно симпатичны автору. Он поэтизирует их привлекательные черты: добродушие, трудолюбие, отзывчивость на чужие страдания. Заметьте, как искренне и трогательно Елеска ухаживает за тяжелобольным охотником-вогулом: тот оказался в глухом лесу без всякой помощи. О сердечной доброте Емели говорит случай на охоте: он не решился стрелять в маленького олененка, живо представив, с каким самоотвержением каждая мать защищает свое дитя. В памяти Емели в момент встречи с олененком воскресает картина, как мать его внука, Гришутки, пожертвовала собой ради спасения сына: она прикрыла мальчика своим телом от волков и терпела, когда волки грызли ее ноги. Все любимые писателем персонажи отличаются своим особым чувством восприятия природы.

Единство с ее красками, голосами, запахами, с ее внутренней жизнью свойственно им. Люди как бы сливаются с природой. Представим удивительную любовь старика Тараса (рассказ «Приемыш») к спасенному лебедю. Это лирическая песня. Тарас душой постиг «всякий обычай лесной пти-

цы и лесного зверя». Он счастлив в общении с птицей, озером, лесом, небом. Ценит открытость, непостижимое богатство красок, способность природы успокоить, насладить голодающую без ласки Душу.

«— Не скучно тебе, дедушка? — спросил я, когда мы возвращались с рыбной ловли. — Жутко одинокому-то в лесу...

— Одному? Тоже и скажет барин... Я тут князь князем живу. Все у меня есть. И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить не умеют, да я-то понимаю все. Сердце радуется другой раз смотреть на Божью тварь... У всякой свой порядок и свой ум...»

«Старик ужасно был доволен своим Приемышем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица, — объяснил он. — Помани его кормом, да не дай, в другой раз и не пойдет, свой характер тоже имеет, даром что птица...»

Рассказ старика о том, как лебедь, его Приемыш, тяжело расставался с ним, улетаая со стаей сородичей, открывает трепетное, противоречивое состояние души человека, способного на большую самоотверженную любовь.

Улетел лебедь, издав по-своему крик прощальный. Старик и собака его, Соболько, страдают. Но оба (!) понимают: у каждого живого существа свое предназначение, своя дорога.

Рассказу «Приемыш» интонационно близок «Богач и Еремка». Его нет в этой книге, но, я думаю, ты его прочтешь. Сравни судьбу и страдания лебедя в рассказе «Приемыш» и

зайчишки в «Богаче и Еремке». Зайчишка с переломанной лапкой несчастен, как и лебедь. Его не стал брать зубами даже охотничий умный пес Еремка. В него не смог стрелять старый охотник Богач, хотя жил он именно тем, что продавал заячьи шкурки. Победа человеческого великодушия над всеми другими прагматическими расчетами – основная мысль рассказа. Его пафос – в способности и человека, и собаки любить слабого, нуждающегося в защите. В этом и проявляется истинная сила человека.

Писатель красиво, изящно передает состояние души человека, готового к защите слабых. Таковы и старик Тарас и охотник Богач. Писатель раскрывает это и через конкретные действия героев, убеждая, что помощь слабому радует.

Вот и маленькая деревенская девочка Ксюша в рассказе «Богач и Еремка» не может удержать свой восторг при виде пойманного Богачом зайца. «Ах, какой хорошенький зайчик, дедушка! – восклицает она. – Беленький весь, а только ушки точно оторочены черным». Девочка тут же придумывает ему имя – «Черное ушко» – и любовно ухаживает за ним. Весть о хромом зайце облетает всю деревню. Подле избушки Богача собирается толпа ребят. Все стараются покорить зайца: кто несет морковку, кто-то молоко... Заметим: в роли главного врачевателя выступает человек, сам определивший себя защитником сада от зайцев.

Развитие событий покоряет не остротой, а теплотой, добротой. Собака, как и ее хозяин, полны заботы о зайце. Они

ласковы с ним. Не выпускают на улицу, чтобы там зайчишку не поймали, не убили. А когда заяц убежал в первый раз, Еремка помчался спасать его. Не найдя, «вернулся домой усталый, виноватый, с опущенным хвостом... лег у самой двери и прислушивался к каждому шороху. Он тоже ждал. Обыкновенно Богач разговаривал с собакой, а тут молчал. Они понимали друг друга...».

История закончилась более грустно, чем в «Приемыше». Черное ушко сбежал. Богач надеялся, что с наступлением зимы зайчишке станет холодно, голодно, страшно и он вернется. Пошли было охотник и собака на охоту. Но Еремка сидел под горой на своем месте, не реагируя на зверушек: «Еремка не мог различить зайцев... Каждый заяц ему казался Черным ушком...»

Природа в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка не фон для раскрытия чувств, душевного состояния человека. Природа – полнокровный герой. Она выражает авторскую жизненную позицию.

Обрати внимание, дорогой читатель, что у Елески («Зимовье на Студеной») с наступлением зимы возникают сложные душевные переживания. Первые кружащиеся в воздухе снежинки радуют его. Радость сменяется тоскливым чувством. Охваченный воспоминаниями, он долго смотрит «на почерневшую реку, на глухой лес, зеленой стеной уходящий на сотни верст туда, к студеному морю», и думает «свою тя-

желую стариковскую думу». Пейзаж, как и портрет героев, живописен, изменчив. Краски в движении – переходы одного оттенка к другому гармоничны изменению душевного состояния.

Вот картина дождливого летнего дня в лесу. Под ногами ковер из прошлогодней палой листвы. Деревья покрыты дождевыми каплями. Они сыплются при каждом движении. Но выглянуло солнце – и лес загорелся алмазными искрами: «Что-то праздничное и радостное кругом вас, и вы чувствуете себя на этом празднике желанным, дорогим гостем» («Приемыш»). Яркий, солнечный пейзаж часто гармонирует с оптимистическим восприятием окружающего мира.

Язык произведений Мамина-Сибиряка – народный, меткий, образный, богат пословицами, поговорками. «Ищи ветра в поле!» – говорит Богач об убежавшем зайчике. «Вместе тесно, а врозь скучно», – замечает он, наблюдая поведение собаки, подружившейся с зайцем.

В 1896 году вышли отдельной книгой «Аленушкины сказки». Автор говорил: «Это моя любимая книжка – ее писала сама любовь, и потому она переживет все остальное». В 1892 году умерла любимая жена Мамина-Сибиряка. Осталась больная дочь. Сказками преданный отец утешал ее, стараясь облегчить страдания. «Аленушкины сказки» впервые появились в журнале «Детское чтение». Писатель следует традиции народной сказки о животных. Герои – обыкновен-

ные звери, птицы, насекомые, которые известны всем с детства. В них нет ничего редкостного, исключительного. Медведь, зайчик, воробей, ворона, комар, даже комнатная муха – все живут в сказках своей жизнью. Сказочные герои легко узнаваемы: у зайца – «длинные уши, короткий хвост», у комара – «длинный нос», у «Воронушки» – «черная головушка». Животные, птицы, насекомые имеют свой характер: заяц труслив, медведь силен, но неуклюж; воробей прожорлив, нахален; комар назойлив...

Животные очеловечены. Хвастун Заяц рассказывает собравшимся вокруг него старым зайцам и молодым зайчатам о своей поразительной храбрости. Слушатели реагируют на это каждый по-своему: «хихикнули молодые зайчата», прикрыв мордочки передними лапками; засмеялись добрые старушки зайчихи; улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и «отведавшие волчьих зубов». Комар Комарович угрожает расправой Мишке, забравшемуся в болото, зовет целую рать своих товарищей. Воробей Воробеич беседует с Ершом о разных житейских делах. Серая Шейка трогательно прощается со своими родителями перед их отправлением в дальний путь.

Действие в сказках, сюжеты, как правило, строятся на веселых, забавных происшествиях. Например, столкновение хвастливого Зайца с Волком или Комара – с Медведем. Забавна сцена: трубочист Яша пытается справедливо рассудить спор между Воробьем и Ершом. В то время как он произно-

сит свою наставительную речь, его обворовывают. Некоторые сказки захватывают драматизмом, трагической участью героев. Например, очень волнует все то, что происходит со старым Воробьем – он стал жертвой собственного легкомыслия и неосторожности. Участь Канарейки в «Сказке про Воронушку...» тоже трогает, не оставляя нас равнодушными. Невозможно без волнения следить за судьбой Серой Шейки, одинокой и беззащитной перед Лисой. Мы сострадаем Серой Шейке, которая так тяжело переживает разлуку с родителями. Ее не радует красота природы. Она трепещет при мысли, что «полынья вот-вот замерзнет и ей некуда будет деться». У нее «замирает сердце» при виде того, как Лиса осторожно ползет по льду к самой полынье.

В сказках, в отличие от рассказов, у пейзажа иная роль. Здесь – фольклорная традиция скупой, но очень точной зарисовки пейзажа. «Солнце сделалось точно холоднее, а день короче. Начались дожди, подул холодный ветер» – вот и вся картина поздней осени («Сказка про Воронушку...»). Исключение – поэтический сон Аленушки: «Солнышко светит, и песочек желтеет, и цветы улыбаются». Они окружают кроватку девочки пестрой гирляндой. «Ласково шепчет, склонившись над ней, зеленая березка» («Пора спать»).

Народно-поэтическая традиция, которой следует Мамин-Сибиряк, выражается и в зачинах, в языке сказок. «Аленушкиным сказкам» предшествует замечательная оригинальная присказка. В ней все герои окружают Аленушку

и вместе нетерпеливо ждут начала сказки. Нередки сказочные формулы вроде: «долго ли, коротко ли»; «стали жить-поживать»; повторы: «боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю...» или «ходил он, ходил по своим волчьим делам...». В речи персонажей немало народной лексики. «Ой, беда, братцы!» – кричит Комар, завидев непрошеного гостя Мишку. «Ничего, живем помаленьку», – говорит Ерш Ершович Воробью.

«Аленушкины сказки», как и народные, содержат мораль: осмеяние трусости, хвастовства, легкомыслия, неумения оценить силы противника. Мораль не притянута извне. Она вытекает из характеров и поступков героев, из их жизни.

Животные живут просто, естественно в окружающей их среде, во взаимосвязи с природными условиями, к которым они приспособлены. Все это раскрыто живо, часто через диалог. Ерш приглашает Воробья: «Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах... Вода стоит тихо, всякой водяной травы сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками, водяными козявками». В «Сказке про Воронушку – черную головушку и желтую птичку Канарейку» маленькая Канарейка погибает от зимних холодов, тогда как Ворона чувствует себя прекрасно в этой обстановке. Неумение или невозможность приспособиться к окружающей среде грозит смертельной опасностью. Так случилось и с Серой Шейкой, и со старым Воробьем, не сумевшим подготовиться к наступлению зимы. Острые ситуации в сказках правди-

вы. Раскрывая законы животного и растительного мира, Мамин-Сибиряк расширяет наши познания, активизирует внимание, наблюдательность.

Особое место занимает сказка о царе Горохе, появившаяся впервые в журнале «Детский отдых» в 1897 году. Полное ее название – «Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей – царевну Кутафью и царевну Горошину». Она отличается от остальных более сложным содержанием и развернутым приключенческим сюжетом. Сказка сатирична. В образе царя Гороха высмеивается чванливость, жадность, презрительное отношение к тем, кто слабее.

С острова Капри А. М. Горький писал Д. Н. Мамину-Сибиряку: «Уважаемый Дмитрий Наркисович! В день сорокалетия великого труда Вашего люди, которым Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык, почтительно и благодарно кланяются Вам, писателю воистину русскому. Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом, это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыли целую область русской жизни, до Вас незнакомой нам».

*Т. Д. Полозова,
профессор*

Рассказы

Емеля-охотник

I

Далеко-далеко, в северной части Уральских гор, в непроходимой лесной глуши спряталась деревушка Тычки. В ней всего одиннадцать дворов, собственно десять, потому что одиннадцатая избушка стоит совсем отдельно, но у самого леса. Кругом деревни зубчатой стеной поднимается вечно-зеленый хвойный лес. Из-за вершук елей и пихт можно разглядеть несколько гор, которые точно нарочно обошли Тычки со всех сторон громадными синевато-серыми валами. Ближе других стоит к Тычкам горбатая Ручьева гора, с седой мохнатой вершиной, которая в пасмурную погоду со-

всем прячется в мутных, серых облаках. С Ручьевой горы сбегает много ключей и ручейков. Один такой ручеек весело катится к Тычкам и зиму и лето всех поит студеной, чистой, как слеза, водой.

Избы в Тычках выстроены без всякого плана, как кто хотел. Две избы стоят над самой речкой, одна – на крутом склоне горы, а остальные разбрелись по берегу, как овцы. В Тычках даже нет улицы, а между избами колесит избитая тропа. Да тычковским мужикам совсем и улицы, пожалуй, не нужно, потому что и ездить по ней не на чем: в Тычках нет ни у кого ни одной телеги. Летом эта деревушка бывает окружена непроходимыми болотами, топями и лесными трущобами, так что в нее едва можно пройти пешком только по узким лесным тропам, да и то не всегда. В ненастье сильно играют горные речки, и часто случается тычковским охотникам дня по три ждать, когда вода спадет с них.

Все тычковские мужики – записные охотники. Летом и зимой они почти не выходят из лесу, благо до него рукой подать. Всякое время года приносит с собой известную добычу: зимой бьют медведей, куниц, волков, лисиц; осенью – белку; весной – диких коз; летом – всякую птицу. Одним словом, круглый год стоит тяжелая и часто опасная работа.

В той избушке, которая стоит у самого леса, живет старый охотник Емеля с маленьким внучком Гришуткой. Избушка Емели совсем выросла в землю и глядит на свет Божий всего одним окном; крыша на избушке давно прогнила, от трубы

остались только обвалившиеся кирпичи. Ни забора, ни ворот, ни сарая – ничего не было у Емелиной избушки. Только под крыльцом из неотесанных бревен воев по ночам голодный Лыско – одна из самых лучших охотничьих собак в Тычках. Перед каждой охотой Емеля дня три морит несчастного Лыска, чтобы он лучше искал дичь и выслеживал всякого зверя.

– Дедко... а дедко!.. – с трудом спрашивал маленький Гришутка однажды вечером. – Теперь олени с телятами ходят?

– С телятами, Гришук, – ответил Емеля, доплетая новые лапти.

– Вот бы, дедко, теленочка добыть... А?

– Погоди, добудем... Жары наступили, олени с телятами в чаще прятаться будут от оводов, тут я тебе и теленочка добуду, Гришук!

Мальчик ничего не ответил, а только тяжело вздохнул. Гришутке всего было лет шесть, и он лежал теперь второй месяц на широкой деревянной лавке под теплой оленьей шкурой. Мальчик простудился еще весной, когда таял снег, и все не мог поправиться. Его смуглое личико побледнело и вытянулось, глаза сделались больше, нос обострился. Емеля видел, как внучонок таял не по дням, а по часам, но не знал, чем помочь горю. Поил какой-то травой, два раза носил в баню, – больному не делалось лучше. Мальчик почти ничего не ел. Пожует корочку черного хлеба, и только. Оставалась от весны соленая козлятина, но Гришук и смотреть на нее

не мог.

«Ишь чего захотел: теленочка... – думал старый Емеля, доковыривая свой лапоть. – Ужо надо добыть...»

Емеле было лет семьдесят: седой, сгорбленный, худой, с длинными руками. Пальцы на руках у Емели едва разгибались, точно это были деревянные сучья. Но ходил он еще бодро и кое-что добывал охотой. Только вот глаза сильно начали изменять старику, особенно зимой, когда снег искрится и блестит кругом алмазной пылью. Из-за Емелиных глаз и труба развалилась, и крыша прогнила, и сам он сидит частенько в своей избушке, когда другие в лесу.

Пора старику и на покой, на теплую печку, да замениться некем, а тут вот еще Гришутка на руках очутился, о нем нужно позаботиться... Отец Гришутки умер три года назад от горячки, мать заели волки, когда она с маленьким Гришуткой зимним вечером возвращалась из деревни в свою избушку. Ребенок спасся каким-то чудом. Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребенка своим телом, и Гришутка остался жив.

Старому деду пришлось выращивать внука, а тут еще болезнь приключилась. Беда не приходит одна...

II

Стояли последние дни июня месяца, самое жаркое время в Тычках. Дома оставались только старые да малые. Охотни-

ки давно разбрелись по лесу за оленями. В избушке Емели бедный Лыско уже третий день завывал от голода, как волк зимой.

– Видно, Емеля на охоту собрался, – говорили в деревне бабы.

Это была правда. Действительно, Емеля скоро вышел из своей избушки с кремневой винтовкой в руке, отвязал Лыска и направился к лесу. На нем были новые лапти, котомка с хлебом за плечами, рваный кафтан и теплая оленья шапка на голове. Старик давно уже не носил шляпы, а зиму и лето ходил в своей оленьей шапке, которая отлично защищала его лысую голову от зимнего холода и от летнего зноя.

– Ну, Гришук, поправляйся без меня... – говорил Емеля внуку на прощанье. – За тобой приглядит старуха Маланья, пока я за теленком схожу.

– А принесешь теленка-то, дедко?

– Принесу, сказал.

– Желтенького?

– Желтенького...

– Ну, я буду тебя ждать... Смотри не промахнись, когда стрелять будешь...

Емеля давно собирался за оленями, да все жалел бросить внука одного, а теперь ему было как будто лучше, и старик решил попытать счастья. Да и старая Маланья поглядит за мальчонком, – все же лучше, чем лежать одному в избушке.

В лесу Емеля был как дома. Да и как ему не знать этого

леса, когда он целую жизнь бродил по нем с ружьем да с собакой. Все тропы, все приметы – все знал старик на сто верст кругом. А теперь, в конце июня, в лесу было особенно хорошо: трава красиво пестрела распустившимися цветами, в воздухе стоял чудный аромат душистых трав, а с неба глядело ласковое летнее солнышко, обливавшее ярким светом и лес, и траву, и журчавшую в осоке речку, и далекие горы. Да, чудно и хорошо было кругом, и Емеля не раз останавливался, чтобы перевести дух и оглянуться назад. Тропинка, по которой он шел, змейкой взбиралась на гору, минуя большие камни и крутые уступы. Крупный лес был вырублен, а около дороги ютились молодые березки, кусты жимолости, и зеленым шатром раскидывалась рябина. Там и сям попадались густые перелески из молодого ельника, который зеленой щеткой вставал по сторонам дороги и весело топорщился лапистыми и мохнатыми ветвями. В одном месте, с половины горы, открывался широкий вид на далекие горы и на Тычки. Деревушка совсем спряталась на дне глубокой горной котловины, и крестьянские избы казались отсюда черными точками. Емеля, заслонив глаза от солнца, долго глядел на свою избушку и думал о внучке.

– Ну, Лыско, ищи... – говорил Емеля, когда они спустились с горы и повернули с тропы в сплошной дремучий ельник.

Лыску не нужно было повторять приказание. Он отлично знал свое дело и, уткнув свою острую морду в землю, исчез в

густой зеленой чаще. Только на время мелькнула его спина с желтыми пятнами.

Охота началась.

Громадные ели поднимались высоко к небу своими острыми вершинами. Мохнатые ветви переплетались между собой, образуя над головой охотника непроницаемый темный свод, сквозь который только кое-где весело глянет солнечный луч и золотым пятном обожжет желтоватый мох или широкий лист папоротника. Трава в таком лесу не растет, и Емеля шел по мягкому желтоватому мху, как по ковру.

Несколько часов брел охотник по этому лесу. Лыско точно в воду канул. Только изредка хрустнет ветка под ногой или перелетит пестрый дятел. Емеля внимательно осматривал все кругом: нет ли где какого-нибудь следа, не сломал ли олень рогами ветки, не отпечаталось ли на мху раздвоенное копыто, не объедена ли трава на кочках. Начало темнеть. Старик почувствовал усталость. Нужно было думать о ночлеге. «Вероятно, оленей распугали другие охотники», – думал Емеля. Но вот послышался слабый визг Лыска, и впереди затрещали ветви. Емеля прислонился к стволу ели и ждал.

Это был олень. Настоящий десятирогий красавец олень, самое благородное из лесных животных. Вон он приложил свои ветвистые рога к самой спине и внимательно слушает, обнюхивая воздух, чтобы в следующую минуту молнией пропасть в зеленой чаще. Старый Емеля завидел оленя, но он слишком далеко от него: не достать его пулей. Лыско лежит

в чаще и не смеет дохнуть в ожидании выстрела; он слышит оленя, чувствует его запах... Вот грянул выстрел, и олень, как стрела, понесся вперед. Емеля промахнулся, а Лыско взвыл от забиравшего его голода. Бедная собака уже чувствовала запах жареной оленины, видела аппетитную кость, которую ей бросит хозяин, а вместо этого приходится ложиться спать с голодным брюхом. Очень скверная история...

– Ну, пусть его погуляет, – рассуждал вслух Емеля, когда вечером сидел у огонька под густой столетней елью. – Нам надо телянчика добывать, Лыско... Слышишь?

Собака только жалобно виляла хвостом, положив острую морду между передними лапами. На ее долю сегодня едва выпала одна сухая корочка, которую Емеля бросил ей.

Ш

Три дня бродил Емеля по лесу с Лыском, и все напрасно: оленя с телянком не попадалось. Старик чувствовал, что выбивается из сил, но вернуться домой с пустыми руками не решался. Лыско тоже приуныл и совсем отошал, хотя и успел перехватить пару молодых зайчат.

Приходилось заночевать в лесу у огонька третью ночь. Но и во сне старый Емеля все видел желтенького телянка, о котором его просил Гришук; старик долго выслеживал свою добычу, прицеливался, но олень каждый раз убегал от него из-под носу. Лыско тоже, вероятно, бредил оленями, потому

что несколько раз во сне взвизгивал и принимался глухо лаять.

Только на четвертый день, когда и охотник и собака совсем выбились из сил, они совершенно случайно попали на след оленя с телянком. Это было в густой еловой заросли на скате горы. Прежде всего Лыско отыскал место, где ночевал олень, а потом разнюхал и запутанный след в траве.

«Матка с телянком, – думал Емеля, разглядывая на траве следы больших и маленьких копыт. – Сегодня утром были здесь... Лыско, ищи, голубчик!..»

День был знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву с высунутым языком; Емеля едва таскал ноги. Но вот знакомый треск и шорох... Лыско упал на траву и не шевелился. В ушах Емели стоят слова внучка: «Дедко, добудь телянка... И непременно чтобы был желтенький». Вон и матка... Это был великолепный олень-самка. Он стоял на опушке леса и пугливо смотрел прямо на Емелю. Кучка жужжавших насекомых кружилась над оленем и заставляла его вздрагивать.

«Нет, ты меня не обманешь...» – думал Емеля, выползая из своей засады.

Олень давно почуял охотника, но смело следил за его движениями.

«Это матка меня от телянка отводит», – думал Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старик хотел прицелиться в оленя, он осторожно пе-

ребежал несколько сажень далее и опять остановился. Емеля снова подполз со своей винтовкой. Опять медленное подкрадывание, и опять олень скрылся, как только Емеля хотел стрелять.

– Не уйдешь от теленка, – шептал Емеля, терпеливо выслеживая зверя в течение нескольких часов.

Эта борьба человека с животным продолжалась до самого вечера. Благородное животное десять раз рисковало жизнью, стараясь отвести охотника от спрятавшегося олененка; старый Емеля и сердился, и удивлялся смелости своей жертвы. Ведь все равно она не уйдет от него... Сколько раз приходилось ему убивать таким образом жертвовавшую собою мать. Лыско, как тень, ползал за хозяином и, когда тот совсем потерял оленя из виду, осторожно ткнул его своим горячим носом. Старик оглянулся и присел. В десяти саженьях от него, под кустом жимолости, стоял тот самый желтенький теленок, за которым он бродил целых три дня. Это был прехорошенький олененок, всего нескольких недель, с желтым пушком и тоненькими ножками; красивая головка была откинута назад, и он вытягивал тонкую шею вперед, когда старался захватить веточку повыше. Охотник с замирающим сердцем взвел курок винтовки и прицелился в голову маленькому, беззащитному животному...

Еще одно мгновение – и маленький олененок покатился бы по траве с жалобным предсмертным криком; но именно в это мгновение старый охотник припомнил, с каким героизмом защищала теленка его мать, припомнил, как мать его Гришутки спасла сына от волков своей жизнью. Точно что оборвалось в груди у старого Емели, и он опустил ружье.

Олененок по-прежнему ходил около куста, общипывая листочки и прислушиваясь к малейшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнул, – маленькое животное скрылось в кустах с быстротой молнии.

– Ишь какой бегун... – говорил старик, задумчиво улыбаясь. – Только его и видел: как стрела... Ведь убежал, Лыско, наш олененок-то? Ну, ему, бегуну, еще надо подрасти... Ах ты, какой шустрый!..

Старик долго стоял на одном месте и все улыбался, припоминая бегуна.

На другой день Емеля подходил к своей избушке.

– А... дедко, принес телянка? – встретил его Гриша, ждавший все время старика с нетерпением.

– Нет, Гришук... видел его...

– Желтенький?

– Желтенький сам, а мордочка черная. Стоит под кустиком и листочки пощипывает... Я прицелился...

– И промахнулся?

– Нет, Гришук: пожалел малого зверя... матку пожалел... Как свистну, а он, теленок-то, как стреканет в чащу, – только его и видел. Убежал, пострел этакий...

Старик долго рассказывал мальчику, как он искал телянка по лесу три дня и как тот убежал от него. Мальчик слушал и весело смеялся вместе с старым дедом.

– А я тебе глухаря принес, Гришук, – прибавил Емеля, кончив рассказ. – Этого все равно волки бы съели.

Глухарь был ошипан, а потом попал в горшок. Большой мальчик с удовольствием поел глухарьиной похлебки и, засыпая, несколько раз спрашивал старика:

– Так он убежал, олененок-то?

– Убежал, Гришук...

– Желтенький?

– Весь желтенький, только мордочка черная да копытца.

Мальчик так и уснул и всю ночь видел маленького желтенького олененка, который весело гулял по лесу со своей матерью; а старик спал на печке и тоже улыбался во сне.

ЗИМОВЬЕ НА СТУДЕНОЙ

I

Старик лежал на своей лавочке, у печи, закрывшись старой дохой из вылезших оленьих шкур. Было рано или поздно – он не знал, да и знать не мог, потому что светало поздно, а небо еще с вечера было затянуто низкими осенними тучами. Вставать ему не хотелось: в избушке было холодно, а у него уже несколько дней болели и спина и ноги. Спать он тоже не хотел, а лежал так, чтобы провести время. Да и куда ему было торопиться? Его разбудило осторожное цара-

панье в дверь, – это просился Музгарко, небольшая пестрая вогульская собака, жившая в этой избушке уже лет десять.

– Я вот тебе задам, Музгарко!.. – заворчал старик, кутаясь в свою доху с головой. – Ты у меня поцарапайся...

Собака на время перестала скоблить дверь своей лапой и потом вдруг взвыла протяжно и жалобно.

– Ах, штоб тебя волки съели!.. – обругался старик, поднимаясь с лавки.

Он в темноте подошел к двери, otvorил ее и все понял, – отчего у него болела спина и отчего завывала собака. Все, что можно было рассмотреть в приотворенную дверь, было покрыто снегом. Да, он ясно теперь видел, как в воздухе кружилась живая сетка из мягких, пушистых снежинок. В избе было темно, а от снега все видно – и зубчатую стенку стоявшего за рекой леса, и надувшуюся почерневшую реку, и каменный мыс, выдававшийся в реку круглым уступом. Умная собака сидела перед раскрытой дверью и такими умными, говорящими глазами смотрела на хозяина.

– Ну, што же, значит, конец!.. – ответил ей старик на немой вопрос собачьих глаз. – Ничего, брат, не поделаешь... Шабаш!..

Собака вильнула хвостом и тихо взвизгнула тем ласковым визгом, которым встречала одного хозяина.

– Ну, шабаш, ну, што поделаешь, Музгарко!.. Прокатилось наше красное летечко, а теперь заляжем в берлоге...

На эти слова последовал легкий прыжок, и Музгарко очу-

тился в избушке раньше хозяина.

– Не любишь зиму, а? – разговаривал старик с собакой, растопляя старую печь, сложенную из дикого камня. – Не нравится, а?..

Колебавшееся в челе печки пламя осветило лавочку, на которой спал старик, и целый угол избушки. Из темноты выступали закопченные бревна, покрытые кое-где плесенью, развешанная в углу сеть, недоконченные новые лапти, несколько беличьих шкурок, болтавшихся на деревянном крюку, а ближе всего сам старик – сгорбленный, седой, с ужасным лицом. Это лицо точно было сдвинуто на одну сторону, так что левый глаз вытек и закрылся припухшим веком. Впрочем, безобразие отчасти скрадывалось седой бородой. Для Музгарки старик не был ни красив, ни некрасив.

Пока старик растоплял печь, уже рассвело. Серое зимнее утро занялось с таким трудом, точно невидимому солнцу было больно светить. В избушке едва можно было рассмотреть дальнюю стену, у которой тянулись широкие нары, устроен-

ные из тяжелых деревянных плах. Единственное окно, наполовину залепленное рыбьим пузырем, едва пропускало свет. Музгарко сидел у порога и терпеливо наблюдал за хозяином, изредка виляя хвостом. Но и собачьему терпению бывает конец, и Музгарко опять слабо взвизгнул.

– Сейчас, не торопись, – ответил ему старик, придвигая к огню чугунный котелок с водой. – Успеешь...

Музгарко лег и, положив остромордую голову в передние лапы, не спускал глаз с хозяина. Когда старик накинул на плечи дырявый пониток, собака радостно залаяла и бросилась в дверь.

– То-то вот у меня поясница третий день болит, – объяснил старик собаке на ходу. – Оно и вышло, што к ненастью. Вона как снежок подваливает...

За одну ночь все кругом совсем изменилось, – лес казался ближе, река точно сузилась, а низкие зимние облака ползли над самой землей и только не цеплялись за верхушки елей и пихт. Вообще вид был самый печальный, а пушинки снега продолжали кружиться в воздухе и беззвучно падали на помертвевшую землю. Старик оглянулся назад, за свою избушку – за ней уходило ржавое болото, чуть тронутое кустиками и жесткой болотной травой. С небольшими перерывами это болото тянулось верст на пятьдесят и отделяло избушку от всего живого мира. А какая она маленькая показалась теперь старику, эта избушка, точно за ночь выросла в землю...

К берегу была причалена лодка-душегубка. Музгарко пер-

вый вскочил в нее, оперся передними лапами на край и зорко посмотрел вверх реки, туда, где выдавался мыс, и слабо взвизгнул.

– Чему обрадовался спозаранку? – окликнул его старик. – Погоди, может, и нет ничего...

Собака знала, что есть, и опять взвизгнула: она видела затонувшие поплавки закинутой в омуте снасти. Лодка полетела вверх по реке у самого берега. Старик стоял на ногах и гнал лодку вперед, подпираясь шестом. Он тоже знал по визгу собаки, что будет добыча. Снасть действительно огрузла самой серединой, и, когда лодка подошла, деревянные поплавки повело книзу.

– Есть, Музгарко...

Снасть состояла из брошенной поперек реки бечевы с поводками из тонких шнуров и волосяной леси. Каждый поводок заканчивался острым крючком. Подъехав к концу снасти, старик осторожно начал выбирать ее в лодку. Добыча была хорошая: два больших сига, несколько судаков, щука и целых пять штук стерлядей. Щука попалась большая, и с ней было много хлопот. Старик осторожно подвел ее к лодке и сначала оглушил своим шестом, а потом уже вытащил. Музгарко сидел в носу лодки и внимательно наблюдал за работой.

– Любишь стерлядку? – дразнил его старик, показывая рыбу. – А ловить не умеешь... Погоди, заварим сегодня уху. К ненастью рыба идет лучше на крюк... В омуте она теперь

сбивается на зимнюю лежанку, а мы ее из омута и будем добывать: вся наша будет. Лучить ужо поедем... Ну, а теперь айда домой!.. Судаков-то подвесим, высушим, а потом купцам продадим...

Старик запасал рыбу с самой весны: часть вялил на солнце, другую сушил в избе, а остатки сваливал в глубокую яму вроде колодца; эта последняя служила кормом Музгарке. Свежая рыба не переводилась у него целый год, только не хватало у него соли, чтобы ее солить, да и хлеба не всегда доставало, как было сейчас. Запас ему оставляли с зимы до зимы.

– Скоро обоз придет, – объяснил старик собаке. – Привезут нам с тобой и хлеба, и соли, и пороху... Вот только избушка наша совсем развалилась, Музгарко.

Осенний день короток. Старик все время проходил около своей избушки, поправляя и то и другое, чтобы лучше ухорониться на зиму. В одном месте мох вылез из пазов, в другом – бревно подгнило, в третьем – угол совсем осел и, того гляди, отвалится. Давно бы уж новую избушку пора ставить, да одному все равно ничего не поделать.

– Как-нибудь, может, перебыюсь зиму, – думал старик вслух, постукивая топором в стену. – А вот обоз придет, так тогда...

Выпавший снег все мысли старика сводил на обоз, который приходил по первопутку, когда вставали реки. Людей он только и видел один раз в году. Было о чем подумать. Муз-

гарко отлично понимал каждое слово хозяина и при одном слове «обоз» смотрел вверх реки и радостно взвизгивал, точно хотел ответить, что вон, мол, откуда придет обоз-то – из-за мыса.

К избе был приделан довольно большой низкий сруб, служивший летом амбаром, а зимой казармой для ночлега ямщиков. Чтобы защитить от зимней непогоды лошадей, старик с осени устраивал около казармы из молодых пушистых пихт большую загородку. Намаются лошади тяжелой дорогой, запотеют, а ветер дует холодный, особенно с солновосхода. Ах, какой бывает ветер! – даже дерево не выносит и поворачивает свои ветви в теплую сторону, откуда весной летит всякая птица.

Кончив работу, старик сел на обрубок дерева под окном избышки и задумался. Собака села у его ног и положила свою умную голову к нему на колени. О чем думал старик? Первый снег всегда и радовал его и наводил тоску, напоминая старое, что осталось вон за теми горами, из которых выбегала река Студеная. Там у него были и свой дом, и семья, и родные были, а теперь никого не осталось. Всех он пережил, и вот где привел Бог кончать век: умрет – некому глаза закрыть. Ох, тяжело старое одиночество, а тут лес кругом, вечная тишина, и не с кем слова сказать. Одна отрада оставалась: собака. И любил же ее старик гораздо больше, чем любят люди друг друга. Ведь она для него была все и тоже любила его. Не один раз случалось так, что на охоте Музгар-

ко жертвовал своей собачьей жизнью за хозяина, и уже два раза медведь помял его за отчаянную храбрость.

– А ведь стар ты стал, Музгарко, – говорил старик, глядя собаку по спине. – Вон и спина прямая стала, как у волка, и зубы притупились, и в глазах муть... Эх, старик, старик, съедят тебя зимой волки!.. Пора, видно, нам с тобой и помирать...

Собака была согласна и помирать... Она только теснее прижималась всем телом к хозяину и жалобно моргала. А он сидел и все смотрел на почерневшую реку, на глухой лес, зеленой стеной уходивший на сотни верст туда, к студеному морю, на чуть брезжившие горы в верховьях Студеной, – смотрел и не шевелился, охваченный своей тяжелой стариковской думой.

Вот о чем думал старик.

Родился и вырос он в глухой лесной деревушке Чалпан, засевавшей на реке Колве. Место было глухое, лесистое, хлеб не родился, и мужики промышляли кто охотой, кто сплавом леса, кто рыбной ловлей. Деревня была бедная, как почти все деревни в Чердынском крае, и многие уходили на промысел куда-нибудь на сторону: на солеваренные промыслы в Усолье, на плотбища по реке Вишере, где строились лесопромышленниками громадные баржи, на железные заводы по реке Каме.

Старик тогда был совсем молодым, и звали его по деревне Елеской Шишмарем, – вся семья была Шишмари. Отец

промышлял охотой, и Елеска с ним еще мальчиком прошел всю Колву. Били они и рябчика, и белку, и куницу, и оленя, и медведя, – что попадет. Из дому уходили недели на две, на три. Потом Елеска вырос, женился и зажил своим домом в Чалпане, а сам по-прежнему промышлял охотой. Стала потихоньку у Елески подрастать своя семья – два мальчика да девочка; славные ребятки росли и были бы отцу подмогой на старости лет. Но Богу было угодно другое: в холерный год семья Елески вымерла... Случилось это горе осенью, когда он ушел с артелью других охотников в горы за оленями. Ушел он семейным человеком, а вернулся бобылем. Тогда половина народу в Чалпане вымерла: холера прошла на Колву с Камы, куда уходили на сплавы чалпанские мужики. Они и занесли с собой страшную болезнь, которая косила людей, как траву.

Долго горевал Елеска, но второй раз не женился: поздно было вторую семью заводить. Так он и остался бобылем и пуще прежнего занялся охотой. В лесу было весело, да и привык уж очень к такой жизни Елеска. Только и тут стряслась с ним великая беда. Обошел он медвежью берлогу, хорошего зверя подглядел и уже вперед рассчитал, что в Чердыни за медвежью шкуру получит все пять рублей. Не в первый раз выходил на зверя с рогатиной да с ножом; но на этот раз сплоховал: поскользнулась у Елески одна нога, и медведь надел на него. Рассвирепевший зверь обломал охотника на смерть, а лицо сдвинул ударом лапы на сторону. Едва при-

полз Елеска из лесу домой, и здесь свой знахарь лечил его целых полгода; остался жив, а только сделался уродом. Не мог далеко уходить в лес, как прежде, когда ганивал сохатого на лыжах верст по семидесяти, не мог промышлять наравне с другими охотниками, – одним словом, пришла беда неминуемая.

В своей деревне делать Елеске было нечего, кормиться мирским подаванием не хотел, и отправился он в город Чердынь, к знакомым купцам, которым раньше продавал свою охотничью добычу. Может, место какое-нибудь обыщут Елеске богатые купцы. И нашли.

– Бывал на волоке с Колвы на Печору? – спрашивали его промышленники. – Там на реке Студеной зимовье, – так вот тебе быть там сторожем... Вся работа только зимой: встретить да проводить обозы, а там гуляй себе целый год. Харч мы тебе будем давать, и одежду, и припас всякий для охоты – поблизости от зимовья промышлять можешь.

– Далеконько, ваше степенство... – замялся Елеска. – Во все стороны от зимовья верст на сто жилья нет, а летом туда и не пройдешь.

– Уж это твое дело; выбирай из любых: дома голодать или на зимовье барином жить...

Подумал Елеска и согласился, а купцы выслали ему и харч и одежду только один год. Потом Елеска должен был покупать все на свои деньги от своей охоты и рыбной ловли на зимовке. Так он и жил в лесу. Год шел за годом. Елеска

состарился и боялся только одного: что придет смертный час и некому будет его похоронить.

II

До обоза, пока реки еще не стали, старик успел несколько раз сходить на охоту. Боровой рябчик поспел давно, но бить его не стоило, потому что все равно сгниет в тепле. Обозный приказчик всегда покупал у старика рябчиков с особым удовольствием, потому что из этих мест шел крепкий и белый рябчик, который долго не портился, а это всего важнее, потому что убитые на Студеной рябчики долетали до Парижа. Их скупали купцы в Чердыни, а потом отправляли в Москву, а из Москвы рябчиков везли громадными партиями за границу. Старик на двадцать верст от своей избушки знал каждое дерево и с лета замечал все рябиные выводки, где они высиживались, паслись и кормились. Когда выводки поспевали, он знал, сколько штук в каждом, но для себя не прочил ни одного, потому что это был самый дорогой товар, и он получал за него самый дорогой припас – порох и дробь.

Нынешняя охота посчастливилась необыкновенно, так что старик заготовил пар тридцать еще до прихода обоза и боялся только одного: как бы не ударила ростепель. Редко случалась такая ростепель на Студеной, но могла и быть.

– Ну, теперь мы с тобой на припас добыли, – объяснял старик собаке, с которой всегда разговаривал, как с челове-

ком. – А пока обоз ходит с хлебом на Печору, мы и харч себе обрабатываем... Главное – соли добыть побольше. Ежели бы у нас с тобой соль была, так богаче бы нас не было вплоть до самой Чердыни.

О соли старик постоянно говорил: «Ах, кабы соль была – не житье, а рай». Теперь рыбу ловил только для себя, а остальную сушил, – какая цена такой сушеной рыбе? А будь соль, тогда бы он рыбу солил, как печорские промышленники, и получал бы за нее вдвое больше, чем теперь. Но соль стоила дорого, а запастись ей приходилось бы пудов по двадцати, – где же такую уйму деньжищ взять, когда с грехом пополам хватало на харч да на одежду? Особенно жалел старик, когда летним делом, в Петровки, убивал оленя: свежее мясо портится скоро, – два дня поесть оленины, а потом бросай! Сушеная оленина – как дерево.

Стала и Студеная. Горная холодная вода долго не замерзает, а потом лед везде проедается полыньями. Это ключи из земли бьют. Запасал теперь старик и свежую рыбу, которую можно было сейчас морозить, как рябчиков. Лиха беда в том, что времени было мало. Того и гляди, что подвалит обоз.

– Скоро, Музгарко, харч нам придет...

Собственно, хлеб у старика вышел еще до заморозков, и он подмешивал к остаткам ржаной муки толченую сухую рыбу. Есть одно мясо или одну рыбу было нельзя. Дня через три так отобьет, что потом в рот не возьмешь. Конечно, самоеды и вогулы питаются одной рыбой, так они к этому привычны,

а русский человек – хлебный и не может по-ихнему.

Обоз пришел совершенно неожиданно. Старик спал ночью, когда заскрипели возы и послышался крик:

– Эй, дедушка, жив ли ты?.. Прймай гостей... Давно не видались.

Старика больше всего поразило то, что Музгарко прокараулил дорогих, жданных гостей. Обыкновенно он чуял их, когда обоз еще был версты за две, а нынче не слышал. Он даже не выскочил на улицу, чтобы полаять на лошадей, а стыдливо спрятался под хозяйскую лавку и не подал голоса.

– Музгарко, да ты в уме ли! – удивлялся старик. – Проспал обоз... ах, нехорошо!..

Собака выползла из-под лавки, лизнула его в руку и опять скрылась: она сама чувствовала себя виноватой.

– Эх, стар стал: нюх потерял, – заметил с грустью старик. – И слышит плохо на левое ухо.

Обоз состоял возов из пятидесяти... На Печору чердынские купцы отправляли по первопутку хлеб, соль, разные харчи и рыболовную снасть, а оттуда вывозили свежую рыбу. Дело было самое спешное, чтобы добыть печорскую рыбу раньше других, – шла дорогая печорская семга. Обоз должен сломать трудную путину в две недели, и ямщики спали только во время кормежек, пока лошади отдыхали. Особенно торопились назад, тогда уж и спать почти не приходилось. А дорога через волок была трудная, особенно горами. Дорога скверная, каменистая, сани некованные, а по речкам везде на-

леди да промоины. Много тут погублено хороших лошадей, а людям приходилось работать, как нигде: вывозить возы в гору на себе, добывать их из воды, вытаскивать из раскатов. Только одни колвинские ямщики и брались за такую проклятую работу, потому что гнала на Печору горькая нужда.

В зимовье на Студеной обоз делал передышку: вместо двухчасовой кормежки лошади здесь отдыхали целых четыре. Казарму старик подтопил заранее, и ямщики, пустив лошадей к корму, завалились спать на деревянных нарах ямщичьим мертвым сном. Не спал только молодой приказчик, еще в первый раз ехавший на Печору. Он сидел у старика в избушке и разговаривал.

– И не страшно тебе в лесу, дедушка?

– А чего бояться, Христос с нами! Привычное наше дело.

В лесу выросли.

– Да как же не бояться: один в лесу...

– А у меня песик есть... Вот вдвоем и коротаем время.

По зимам вот волки одолевают, так он мне вперед сказывает, когда придут они в гости. Чует... И дошлая: сама поднимает волков. Они бросятся за ней, а я их из ружья... Умнеющая собака: только не скажет, как человек. Я с ней всегда разговариваю, а то, пожалуй, и говорить разучишься...

– Откуда же ты такую добыл, дедушка?

– А Бог мне ее послал... Неладно это про пса говорить, а только оно похоже. Давно это было, почитай годов с десять. Вот по зиме, этак перед Рождеством, выслеживал я в горах

лосей... Была у меня собачка, еще с Колвы привел. Ну, ничего, правильный песик: и зверя брал, и птицу искал, и белку – все как следует. Только иду я с ним по лесу, и вдруг вот этот Музгарко прямо как выскочит на меня. Даже испугал... Не за обычай это у наших промысловых собак, чтобы к незнакомому человеку ластиться, как к хозяину, а эта так прямо ко мне и бросилась. Вижу, што дело как будто неладно. А он этак смотрит на меня, умненько таково, а сам ведет все дальше... И што бы ты думал, братец ты мой, ведь привел! В логовине этак вижу шалашик из хвои, а из шалашика чуть пар... Подхожу. В шалашике вогул лежит, болен, значит, и от своей артели отстал... Пряменько сказать: помирал человек. На охоте его ухватила немочь, другим-то не ждать. Увидал меня, обрадовался, а сам едва уж языком ворочает. Больше все руками объяснял. Вот он меня и благословил этим песиком... При мне и помер, сердяга, а я его закопал в снегу, заволок хворостом да бревном придавил сверху, чтобы волки не съели. А Музгарко, значит, мне достался... Это по речке я его и назвал, где вогул помирал: Музгаркой звать речку, ну, я и собаку так же назвал. И умный песик... По лесу идет, так после него хоть метлой подметай, – ничего не найдешь. Ты думаешь, он вот сейчас не понимает, што о нем говорят?.. Все понимает...

– Зачем он под лавкой-то лежит?

– А устыдился, потому обоз прокараулил. Стар стал... Два раза меня от медведя ухранял: медведь-то на меня, а он его

и остановил. Прежде я с рогатиной ходил на медведя, когда еще в силе был, а как один меня починил, ну, я уж из ружья норовлю его свалить. Тоже его надо умеючи взять: смышлястый зверь.

– Ну, а зимой-то, поди, скучно в избушке сидеть?

– Привышное дело... Вот только праздники когда, так кушновато. Добрые люди в храме Божьем, а у меня волки обедню завывают. Ну, я тогда свечку затеплю перед образом и сам службу пою... Со слезами тоже молось.

Славный этот приказчик, молодой такой, и все ему надо знать. Елеска обрадовался живому человеку и все рассказывал про свою одинокую жизнь в лесу.

– У меня по весне праздник бывает, милый человек, когда с теплого моря птица прилетит. И сколько ее летит: туча... По Студеной-то точно ее насыпано... Всякого сословия птица: и утки, и гуси, и кулики, и чайки, и гагары... Выйдешь на заре, так стон стоит по Студеной. И нет лучше твари, как перелетная птица: самая Божья тварь... Большие тыщи верст летит, тоже устанет, затощает и месту рада. Прилетела, вздохнула денек и сейчас гнездо налаживать... А я хожу и смотрю: мне Бог гостей прислал. И как наговаривают... Слушаешь, слушаешь, инда слеза проймает. Любезная тварь – перелетная птица... Я ее не трогаю, потому трудница перед Господом. А когда гнезда она строит, это ли не Божее произволье... Человеку так не соорудить. А потом матки с выводками на Студеную выплывут... Красота, ра-

дось... Плавают, полощутся, гогочут... Неочерпаемо здесь перелетной птицы. Праздником все летечко прокатится, а к осени начнет птица грудиться стайками: пора опять в дорогу. И собираются, как люди... Лопочут по-своему, суетятся, молодых учат, а потом и поднялись... Ранним утром снимаются с места, вожак в голове летит. А есть и такие, которые остаются: здоровьем слаба выйдет или позднышки выведутся... Жаль на них глядеть. Кричат, бедные, когда мимо них стая за стаей летит. На Студеной все околачиваются. Плавают-плавают, пока забереги настынут, потом в полыньях кружатся... Ну, этих уже я из жалости пришибу. Што ей маяться-то, все равно сгибнет... Лебеди у меня тут в болоте гнезда выют. Всякой твари свое произволение, свой предел... Одного только у меня не хватает, родной человек: который год прошу ямщиков, штобы петушка мне привезли... Зимой-то ночи длинные, конца нет, а петушок-то и сказал бы, который час на дворе.

– В следующий раз я тебе привезу самого горластого, дедушка, как дьякон будет орать.

– Ах, родной, то-то уважил бы старика... Втроем бы мы вот как зажили! Скучно, когда по зимам мертвая тишь встанет, а тут бы петушок, глядишь, и взвеселил. Тоже не простая тваринка, петушок-то; другой такой нет, чтобы часы сказывала. На потребу человеку петушок сотворен.

Приказчика звали Флегонтом. Он оставил старому Елеске и муки, и соли, и новую рубаху, и пороху, а на обратном пути

с Печоры привез подарок.

– Я тебе часы привез, дедушка, – весело говорил он, подавая мешок с петухом.

– Ах, кормилец, ах, родной... Да как я тебя благодарить буду? Ну, пошли тебе Бог всего, чего сам желаешь. Поди, и невеста где-нибудь подгляжена, так любовь да совет...

– Есть такой грех, дедушка, – весело ответил Флегонт, встряхивая русыми кудрями. – Есть в Чердыни два светлых глаза: посмотрели они на меня, да и заморозили... Ну, оставайся с Богом.

– Соболька припасу твоей невесте на будущую осень, как опять поедешь на Печору. Есть у меня один на примете.

Ушел обоз в обратный путь, и остался старик с петушком. Радости-то сколько!.. Пестренький петушок, гребешок красненький – ходит по избушке, каждое перышко играет. А ночью как гаркнет... То-то радость и утешение! Каждое утро стал Елеска теперь разговаривать со своим петушком, и Музгарко их слушает.

– Што, завидно тебе, старому? – дразнит Елеска собаку. – Только твоего и ремесла, што лаять... А вот ты по-петушину спой!..

Заметил старик, как будто заскучал Музгарко. Понурый такой ходит... Неможется что-то собаке. Должно полагать, ямщики сглазили.

– Музгарушко, да што это с тобой попритчилось? Где болит?

Лежит Музгарко под лавкой, положил голову между лапами и только глазами моргает.

Всполошился старик: накатилась беда неожиданная. А Музгарко все лежит, не ест, не пьет и голосу не подает.

– Музгарушко, милый!

Вильнул хвостом Музгарко, подполз к хозяину, лизнул руку и тихо взвыл. Ох, плохо дело!..

III

Ходит ветер по Студеной, наметает саженные сугробы снега, завывает в лесу, точно голодный волк; избушка Елеськи совсем потонула в снегу. Торчит без малого одна труба, да вьется из нее синяя струйка дыма...

Воет пурга уже две недели, две недели не выходит из своей избушки старик и все сидит над больной собакой. А Муз-

гарко лежит и едва дышит: пришла Музгаркина смерть.

– Кормилец ты мой... – плачет старик и целует верного друга. – Родной ты мой... ну, где болит?..

Ничего не отвечает Музгарко, как раньше. Он давно почувял свою смерть и молчит... Плачет, убивается старик, а помочь нечем: от смерти лекарства нет. Ах, горе какое лютое привалилось!.. С Музгаркой умерла последняя надежда старика, и ничего, ничего не оставалось для него, кроме смерти. Кто теперь будет искать белку, кто облает глухаря, кто выследит оленя? Смерть без Музгарки, ужасная голодная смерть. Хлебного припаса едва хватит до Крещенья, а там помирать...

Воеет пурга, а старик вспоминает, как жил он с Музгаркой, как ходил на охоту и промышлял себе добычу. Куда он без собаки?

А тут еще волки... Учюяли беду, пришли к избушке и завыли. Целую ночь так-то выли, надрывая душу. Некому теперь пугнуть их, облаять, подманить на выстрел... Вспомнился старику случай, как одолевал его медведь-шатун. Шатунами называют медведей, которые вовремя не залегли с осени в берлогу и бродят по лесу. Такой шатун – самый опасный зверь... Вот и повадился медведь к избушке: учюял запасы у старика. Как ночь, так и придет. Два раза на крышу залезал и лапами разгребал снег. Потом выворотил дверь в казарме и утащил целый ворох запасенной стариком рыбы. Донял-таки шатун Елеску до самого нельзя. Озлобился на

него старик за озорство, зарядил винтовку пулей и вышел с Музгаркой. Медведь так и прыгнул на старика и наверно бы его смял под себя, прежде чем тот успел бы в него выстрелить, но спас Музгарко. Ухватил он зверя сзади и посадил, а Елескина пуля не знала промаха... Да мало ли было случаев, когда собака спасала старика...

Музгарко издох перед самым Рождеством, когда мороз трещал в лесу. Дело было ночью. Елеска лежал на своей лавочке и дремал. Вдруг его точно что кольнуло. Вскочил он, вздул огня, зажег лучину, подошел к собаке, – Музгарко лежал мертвый. Елеска похолодел: это была его смерть.

– Музгарко, Музгарко... – повторял несчастный старик, целуя мертвого друга. – Што я теперь делать буду без тебя?

Не хотел Елеска, чтобы волки съели мертвого Музгарко, и закопал его в казарме. Три дня он долбил мерзлую землю, сделал могилку и со слезами похоронил в ней верного друга.

Остался один петушок, который по-прежнему будил старика ночью. Проснется Елеска и сейчас вспомнит про Музгарко. И сделается ему горько и тошно до смерти. Поговорить не с кем. Конечно, петушок птица занятная, а все-таки птица и ничего не понимает.

– Эх, Музгарко! – повторял Елеска по нескольку раз в день, чувствуя, как все начинает у него валиться из рук.

Бедным людям приходится забывать свое горе за работой. Так было и тут. Хлебные запасы приходили к концу, и пора было Елеске подумать о своей голове. А главное, тошно ему

теперь показалось оставаться в своей избушке.

– Эх, брошу все, уйду домой на Колву, а то в Чердынь проберусь! – решил старик.

Поправил он лыжи, на которых еще молодым гонял оленей, снарядил котомку, взял запаса дней на пять, простился с Музгаркиной могилой и тронулся в путь. Жаль было петушка оставлять одного, и Елеска захватил его с собой: посадил в котомку и понес. Отошел старик до каменного мыса, оглянулся на свое жилище и заплакал: жаль стало насиженного теплого угла.

– Прощай, Музгарко...

Трудная дорога вела с зимовья на Колву. Сначала пришлось идти на лыжах по Студеной. Это было легко, но потом начались горы, и старик скоро выбился из сил. Прежде-то, как олень, бегал по горам, а тут на двадцати верстах обессилел. Хоть ложись и помирай... Выкопал он в снегу ямку поглубже, устлал хвоей, развел огонька, поел, что было в котомке, и прилег отдохнуть. И петушка закрыл котомкой... С устали он скоро заснул. Сколько он спал, долго ли, коротко ли, только проснулся от петушиного крика.

«Волки...» – мелькнуло у него в голове.

Но хочет он подняться и не может, точно кто его связал веревками. Даже глаз не может открыть... Еще раз крикнул петух и затих: его вместе с котомкой утащил из ямы волк. Хочет подняться старик, делает страшное усилие и слышит вдруг знакомый лай: точно где-то под землей взлаял Музгар-

ко. Да, это он... Ближе, ближе – это он по следу нижним чутьем идет. Вот уже совсем близко, у самой ямы... Открывает Елеска глаза и видит: действительно, Музгарко, а с Музгаркой тот самый вогул, первый его хозяин, которого он в снегу схоронил.

– Ты здесь, дедушка? – спрашивает вогул, а сам смеется. – Я за тобой пришел...

Дунул холодный ветер, рванул комья снега с высоких елей и пихт, и посыпался он на мертвого Елеску; к утру от его ямки и следов не осталось.

Постойко

I

Едва только дворник отворил калитку, как Постойко с необыкновенной ловкостью проскользнул мимо него на улицу. Это случилось утром. Постойке необходимо было подраться с пойнтером из соседнего дома, – его выпускали погулять в это время.

– А, ты опять здесь, мужлан? – проворчал пойнтер, скаля свои белые длинные зубы и вытягивая хвост палкой. – Я тебе задам...

Постойко задрал еще сильнее свой пушистый хвост, свернутый кольцом, ощетинился и смело пошел на врага. Они

встречались каждый день в это время и каждый раз дрались до остервенения. Охотничий пес не мог видеть равнодушно кудластого дворового пса, а тот в свою очередь сторал от нетерпения запустить свои белые зубы в выхоленную кожу важничавшего барина. Пойнтера звали Аргусом, и он даже был раз на собачьей выставке в самом отборном обществе других породистых и таких же выхоленных собак. Враги медленно подходили друг к другу, поднимали шерсть, скалили зубы и только хотели вцепиться, как вдруг в воздухе свистнула длинная веревка и змеей обвила Аргуса. Он жалобно взвизгнул от боли, присел и даже закрыл глаза. А Постойко летел вдоль улицы стремглав, спасаясь от бежавших за ним людей с веревками. Он хотел улизнуть куда-нибудь в ворота, но везде все было еще заперто. Впереди выбежали дворники и загородили Постойке дорогу. Опять свистнула веревка, и Постойко очутился с арканом на шее.

– А, попался, голубчик! – говорил какой-то верзила, подтаскивая несчастную собаку к большому фургону.

Постойко сначала отчаянно сопротивлялся, но проклятая веревка ужасно давила шею, так что у него в глазах помутилось. Он даже не помнил, как его втокнули в фургон. Там уже было до десятка разных собак, скромно жавшихся по углам: два мопса, болонка, сеттер, водолаз и несколько бездомных уличных собачонок, таких тощих и жалких, а в их числе и Аргус, забившийся со страху в самый дальний угол.

– Могли бы и повежливее обращаться с нами, – пропища-

ла болонка, сторонясь от уличных собак. – Моя генеральша узнает, так задаст...

Эта противная собачонка ужасно важничала, и Пстойко с удовольствием потрепал бы ее, но сейчас было не до нее. Пойманные собаки чувствовали себя сконфуженными и на время позабыли все свои собачьи расчеты. Спокойнее всех держал себя водолаз. Он не обращал ни на кого внимания, улегся по самой середине и зажмурился с такой важностью, точно какая важная особа.

– Господин водолаз, как вы полагаете? – обратилась к нему болонка, виляя пушистым белым хвостом. – Здесь так грязно, а я не привыкла... Наконец, какое общество... фи!.. Конечно, меня схватили по ошибке и сейчас же выпустят, но все-таки неприятно. Пахнет здесь отвратительно...

Водолаз полуоткрыл один глаз, презрительно посмотрел на болонку и еще важнее задремал.

– Вы совершенно правы, сударыня, – ответил за него один из мопсов, приятно оскалась. – Случилось простое недоразумение... Мы все попали сюда по ошибке.

– Я предполагаю, что нас отправят на выставку, – откликнулся Аргус из своего угла: он немного оправился от страха. – Я уже раз был на выставке и могу сказать, что там совсем недурно. Главное, хорошо кормят...

Одна из уличных собачонок горько засмеялась. Нечего сказать, на хорошую выставку привезут: она уже бывала в фургоне и только по счастливой случайности вырвалась.

– Нас всех привезут в собачий приют и там повесят, – сообщила она приятную новость всей собачьей компании. – Я даже видела, как это делают. Длинный такой сарай, а в нем висят веревки...

– Ах, замолчите, мне дурно... – запищала болонка. – Ах, дурно!..

– Повесят? – удивился водолаз, открывая глаза. – Желал бы я знать, кто смеет подойти ко мне?..

Бедный Постойко весь задрожал, когда услышал роковое слово. Он даже почувствовал, как будто его шею уже что-то давит. За что же повесят? Неужели за то, что он хотел подраться с Аргусом?.. И Постойко и Аргус старались не смотреть теперь друг на друга, точно никогда и не встречались. Отчасти им было совестно, а отчасти и не до того, чтобы продолжать старую вражду.

«Пусть уж лучше Аргуса повесят, – думал Постойко, – только меня бы выпустили...»

Конечно, так нехорошо было думать, но в скверных обстоятельствах каждый заботится больше всего только о себе одном. Фургон покатился дальше, и дверь с железной решеткой отворялась только для того, чтобы принять новые жертвы. Сегодняшняя охота на бродячих собак была особенно удачна, и верзила, заправлявший всем делом, решил, что на сегодня достаточно.

– Ступай домой, – сказал он кучеру.

Нечего сказать, приятное путешествие «домой»!.. Все со-

баки чувствовали себя очень скверно, а один маленький мопсик даже взвыл. Помилуйте, что же это такое!.. А фургон все катился медленно и тяжело, точно на край света. Собак было много, и они поневоле толкали друг друга, когда фургон раскачивался в ухабах; а таких ухабов чем дальше, тем было больше. Таким образом, в этой толкотне Постойко и не заметил, как очутился рядом с Аргусом, даже ткнул его своей мордой в бок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.